

Ему же принадлежит как бы разрывающая «Сказание» «вставка» «О Борисе какъ бе възъръм», казавшаяся исследователям случайным и инородным телом. Закономерность появления этой статьи мы осветили выше. Но возникает вопрос — почему Лазарь не сделал подобного же литературного портрета Глеба? Думаем, что это тоже след холодной руки смерти, оборвавшей труд старого епископа, недописавшего и последних слов «Сказания».

В связи с этим можно догадываться и о внешнем облике его незавершенной рукописи. Она писалась на листах пергамента; компануя текст, Лазарь думал вставить в конце жития и похвалы князьям их литературные портреты и начал писать их на отдельном листе, но смерть не дала закончить этой вставки и на листе оставалось пустое место для второй статьи «О Глебе какъ бе възъръ». Вероятно из уважения к труду усопшего писателя бережно собранные листы его рукописи были оставлены без дополнения этой статьи и конца рассказа о перенесении мощей и в таком виде были переплетены, а затем и повторены во множестве списков, причем статья о Борисе приобрела характер случайной «вставки».

7

Сделанные выше наблюдения позволяют подвести основные итоги.

А. А. Шахматов был прав в своем решении вопроса о взаимоотношении Несторова «Чтения» и «Сказания» и датировке последнего, а также в догадке, что «Сказание» является единым, целостным произведением. Выдающимся исследователем русского летописания руководила мысль о тесной связи литературного и летописного труда с реальной исторической жизнью.

С. А. Бугославский в своем гигантском текстологическом исследовании по существу замкнулся в границах саморазвития текстов и отказался от исторической критики изучаемых произведений и пришел к искусственной, ошибочной концепции, которая вставала в противоречие с действительным ходом исторического развития и развитием самой литературы.

Как А. А. Шахматов, так и С. А. Бугославский не сделали попытки рассмотреть «Чтение» и «Сказание» со стороны их идейно-политического содержания и художественной формы, тем самым резкое различие обоих памятников осталось невыясненным. Тем более обоим исследователям была глубоко чужда мысль о связи изучавшихся ими произведений с классовой борьбой. В этом была причина того, что оба исследователя не заметили ни ясно видимых идейных и стилистических различий «Чтения» и «Сказания», ни почти прямых данных последнего, позволяющих установить его автора.

В своих возражениях на концепцию А. А. Шахматова С. А. Бугославский поставил ему и другим его последователям ряд вопросов, казавшихся Бугославскому неразрешимыми с позиций выводов Шахматова.¹³² Ниже, по ходу изложения наших выводов, мы попытаемся на эти вопросы ответить.

Одним из важнейших источников как Нестора, так и Лазаря были записи, ведшиеся при вышгородской церкви. Как можно думать, они не ограничивались более или менее подробными записями чудес, к которым был причастен и сам Лазарь, но содержали и достаточно обильные сведения об обстоятельствах гибели князей, в особенности же Бориса. Как показывает насыщенность изложения этой темы в «Сказании» конкрет-

¹³² С. А. Бугославский. К вопросу... стр. 142—143.